

Джордж Гордон
БАЙРОН

ДОН-ЖУАН

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Посвящение

1. Боб Саути! Ты — поэт, лауреат
И представитель бардов, — превосходно!
Ты ныне, как отменный тори, ат-
тестован: это модно и доходно.
Ну как живешь, почтенный ренегат?
В Озерной школе все, что вам угодно,
Поют десятки мелких голосов,
Как «в пироге волшебном хор дроздов;
2. Когда пирог подобный подают
На королевский стол и разрезают,
Дрозды, как полагается, поют».
Принц-регент это блюдо обожает.
И Колридж-метафизик тоже тут,
Но колпачок соколику мешает:
Он многое берется объяснять,
Да жаль, что объяснений не понять.
3. Ты дерзок, Боб! Я знаю, в чем тут дело:
Ведь ты мечтал, с отменным мастерством
Всех крикунов перекричав умело,
Стать в пироге единственным дроздом.
Силенки ты напруг довольно смело,
Но вмиг на землю сверзился потом.
Ты залететь не сможешь высоко, Боб!
Летать крылатой рыбе нелегко, Боб!
4. А Вордсворт наш в своей «Прогулке»
длительной —
Страниц, пожалуй, больше пятисот —
Дал образец системы столь сомнительной,
Что всех ученых оторопь берет.

Считает он поэзией чувствительной
Сей странный бред; но кто там разберет,
Творенье это — или не творенье,
А Вавилонское столпотворенье!

5. Да, господа, вы в Кезике своем
Людей получше вас всегда чурались,
Друг друга вы читали, а потом
Друг другом изошренно восхищались.
И вы сошлись, естественно, на том,
Что лавры вам одним предназначались.
Но все-таки пора бы перестать
За океан озера принимать.

6. А я не смог бы до порока лести
Унизить самолюбие свое, —
Пусть заслужили вы потерей чести
И славу, и привольное житье.
В акцизе служит Вордсворт — всяк при месте;
Ваш труд оплачен — каждому свое.
Народ вы жалкий, хоть поэты все же
И на парнасский холм взобрались тоже.

7. Вы лаврами скрываете пока
И лысины и наглость, но порою
Вы все-таки краснеете слегка.
Нет, я вам не завидую; не скрою —
Я не хотел бы вашего венка!
Притом ведь лавры получают с бою:
Мур, Роджерс, Кэмбел, Крабб и Вальтер Скотт —
Любой у вас всю славу отобьет.

8. Пусть я с моею музой прозаичной
Хожу пешком — а ваш-то конь крылат!
Но да пошлет вам Бог и слог приличный,
И славу, и сноровку. Как собрат,
Я воздаю вам должное — обычный
Прием, которым многие грешат! —
Едва ль, на современность негодую,
Хвалу потомков этим заслужу я.

9. Но тот, кто лавры хочет получить
Лишь от потомства, должен быть скромнее:
Он сам себе ведь может повредить,
Провозгласив подобную идею.
Порой эпоха может породить
Титана, но как правило — пигмеи
Все претенденты. Им, читатель мой,
Один конец — Бог ведает какой!
10. Лишь Мильтон, злоязычьем уязвленный,
Взывал к возмездью Времени — и вот,
Судья нелицемерный, непреклонный,
Поэту Время славу воздает.
Но он не лгал — гонимый, угнетенный,
Не унижал таланта, ибо тот,
Кто не клеветает, кто не льстит, не гнется,
Всю жизнь тираноборцем остается.
11. О, если б мог восстать, как Самуил,
Он, сей старик, пророк, чей голос властный
Сердца монархов страхом леденил!
О, если б он воскрес, седой и страстный!
Глаза слепые он бы обратил
На злобных дочерей. Но и несчастный
Не льстил бы он ни трону, ни венцу,
И не тебе, моральному скопцу,
12. Преступник Каслрей — лукавый, ловкий,
Ты холеные руки обагрив
В крови Ирландии. С большой сноровкой
Ты в Англии свободу придушил.
Готовый на подлейшие уловки,
Ты тирании ревностно служил,
Надетые оковы закрепляя
И яд, давно готовый, предлагая.
13. Когда ты говоришь парадный вздор,
И гладкий и пустой до омерзенья,
Льстецов твоих — и тех смолкает хор.
Все нации с усмешкою презренья

Следят, как создает словесный сор
Бессмысленного жернова круженье,
Который может миру доказать,
Что даже речь способна пыткой стать.

14. Гнусна твоя бездарная работа:
Одно старье латать, клепать, чинить.
Всегда страшит твоих хозяев что-то,
И это — повод нации душить.
Созвать конгресс пришла тебе охота,
Чтоб цепи человечества скрепить.
Ты создаешь рабов с таким раденьем,
Что проклят и людьми и провиденьем.
15. Ну, что о сущности твоей сказать?
Имеешь ты (или, верней, Оно)
Две цели: удушать и угождать.
Кого и как — такому все равно:
Привык он, как Евтропий, услужать.
В нем, правда, есть достоинство одно —
Бесстрашие, но это уж не смелость,
А просто чувств и сердца омертвелость.
16. Куда бы я глаза ни обратил,
Везде я вижу цепи. О Италия!
Ведь даже римский дух твой погасил
Сей ловкий шут, презренная каналия!
Он ранами Ирландию покрыл,
Европа вся в кровавой вакханалии,
Везде рабы и троны, смрад и тьма,
Да Саути — их певец, плохой весьма.
17. Но, сэр лауреат, я все ж дерзаю
Сей скромный труд тебе преподнести.
Особой лести я не обещаю —
Я ближе к вигам и всегда почти
Цвет желто-голубой предпочитаю.
До ренегатства мне не дорасти,
Хоть без него живется многим худо —
Тем, кто не Юлиан и не Иуда...

Песнь первая

1. Ищу героя! Нынче что ни год
Являются герои, как ни странно.
Им пресса щедро славу воздает,
Но эта лесть, увы, непостоянна:
Сезон прошел — герой уже не тот.
А посему я выбрал Дон-Жуана:
Ведь он, наш старый друг, в расцвете сил
Со сцены прямо к черту угодил.
2. Хок, Фердинанд и Гренби — все герои,
И Кемберленд-мясник и Кеппел тут;
Они потомством Банко предо мною,
Как пред Макбетом, в сумраке встают,
«Помет одной свиньи», они толпою
По-прежнему за славою бегут,
А слава — даже слава Бонапарта —
Есть детище газетного азарта.
3. Барнав, Бриссо, Дантон, и Кондорсе,
Марат, и Петион, и Лафайет —
Вот Франция во всей своей красе,
(А все-таки забывчив праздный свет.)
Жубер и Ош, Марсо, Моро, Дезэ —
Смотрите-ка: им просто счету нет!
Недавно их венчали лавры славы,
Но не приемлют их мои октавы.
4. Наш Нельсон — сей британский бог войны
Достоин славы гордого угара,
Но вместе с ним давно погребены
И лавры и легенды Трафальгара.

Нам силы сухопутные нужны,
И моряки встревожены недаром:
Великих адмиралов имена
Забыл король, забыла вся страна!

5. И до и после славного Ахилла
Цвели мужи, не худшие, чем он,
Но песнь поэта нам не сохранила
Ни славы их, ни доблестных имен.
И потому мне очень трудно было
В тумане новых и былых времен
Найти героя вовсе без изъяна —
И предпочел я все же Дон-Жуана!
6. Гораций говорил, что «*medias res*»¹
Для эпоса — широкая дорога.
Что было раньше, волею небес
Поэт потом покажет понемногу,
Влюбленных приведя под сень деревьев,
В пещеру или к пышному чертогу,
За ужином, в саду или в раю —
Где он посадит парочку свою.
7. Таков обычный метод, но не мой:
Мой метод — начинать всегда с начала,
Мой замысел и точный и прямой,
В нем отступлений будет очень мало.
Начну я просто первую главой
(Каких бы мне трудов она ни стала).
Я вам хочу подробно описать
Отца и мать героя, так сказать.
8. В Севилье он родился. Город, славный
Гранатами и женщинами. Тот
Бедняк, кто не был в нем, — бедняк по давню.
Севилья лучшим городом слывет.
Родители Жуана благоправно
И неизменно жили круглый год
Над речкою, воспетой целым миром
И называемой Гвадалквивиром.

¹ «Середина дела» (лат.).

9. Его отец — Хосе, понятно, «дон»,
Идальго чистокровный, без следа
Еврейско-маврской крови, — был рожден
От грандов, не робевших никогда.
Не всякий граф, маркиз или барон
Был на коне так ловок, господа,
Как дон Хосе, зачавший Дон-Жуана,
Зачавшего (об этом, впрочем, рано)...
10. Его мамаша столь была умна,
Такими отличалась дарованиями,
Что повсеместно славилась она
И всех ученых затмевала знаниями.
Их честь была весьма уязвлена,
И затаенной зависти стенаньями
Отметили они наперебой
Инесы превосходство над собой.
11. Творенья Лопе вдоль и поперек
И Кальдерона знала эта дама:
Когда актер припомнить роль не мог,
Она ему подсказывала прямо.
Добро бы ей Финэгл в том помог:
Но сам Финэгл, позабыв рекламу
И лавочку прикрыв, глядел, дивясь,
Как у Инесы память развилась.
12. Она имела ум математический,
Держалась величаво до жеманности,
Шутила редко, но всегда аттически,
Была высокопарна до туманности,
Чудила и морально и физически
И даже одевалась не без странности:
Весною в шелк, а летом в канифас —
Все это бредни, уверяю вас!
13. Она латынь (весь «Pater noster»¹) знала
И греческие буквы превзошла,
Французские романчики читала,
Но одолеть прононса не могла.

¹ «Отче наш» (лат.).

Родным испанским занималась мало;
В ее речах царила полумгла,
Ее сужденья на любые темы
Являли теоремы и проблемы...

14. Еврейский и английский языки
Инеса без труда постигла тоже:
Она считала, что они «близки»
И в некоторых случаях похожи.
Читая песнопенья и стихи,
Она вопрос обдумывала все же —
Не одного ли корня, что «Эдем»,
Известное британское «god damn»?¹
15. Она была живое поученье,
Мораль и притча с головы до ног,
И походила в этом отношенье
На Ромили: он был ужасно строг,
Когда судил чужие прегрешенья,
А сам себе советом не помог:
Самоубийцей став сентиментальным,
Провозглашен был просто ненормальным.
16. Как миссис Триммер книжки поучительные,
Как Эджуорт ожившие романы,
Как Целебса супруга умильная,
Она была моральна и жеманна.
Едва ли в ней черту предосудительную
Нашла бы даже зависть. Как ни странно,
Она была вот тем-то и страшна,
Что всех пороков женских лишена.
17. Она настолько нравственной была
И к слову искушенья непреклонной,
Что ангела-хранителя могла
Освободить от службы гарнизонной.
Точнее были все ее дела
Хронометров завода Гarrisона.
Я б мог сравнить ее высокий дар
С твоим лишь маслом, дивный Макассар!

¹ «Черт побери» (англ.).

18. Она была бесспорно совершенна, —
Но к совершенству свет и глух и нем.
Недаром прародители вселенной
Хранительный покинули Эдем:
Они в раю (скажу вам откровенно)
И целоваться не могли совсем!
А дон Хосе, прямой потомок Евы,
Любил срывать плоды с любого древа.
19. Хосе, беспечный смертный, не любил
Речей мудреных и людей ученых,
Куда хотел и с кем хотел ходил,
Не замечая взоров возмущенных;
Но за его поступками следил
Синклит ханжей, клеймить пороки склонных,
И двух его любовниц называл,
Хотя *одна* — и то уже скандал!
20. Инеса, несомненно, знала цену
Своим высоким и моральным качествам,
Но и святая не снесет измены
И даже может отказаться начисто
Бороться с чертом; кротости на смену
Тогда приходят разные чудачества,
А коль святая станет ревновать,
То тут супругу уж несдобровать.
21. Совсем нетрудно справиться с мужчиной,
Коль он неосторожен и не прав:
Он хочет ускользнуть с невинной миной,
Но тут его хватают за рукав.
Он следует за гневной «половиной»,
Она ж, во утверждение дамских прав,
Хватает веер, а в руке прелестной
Он хуже всякой плетки, как известно.
22. Мне очень, очень жаль, что за повес
Выходят замуж умные девицы.
Но что же делать, если бедный бес
Ученым разговором тяготится?

(Я ближних соблюдаю интерес,
Со мной такой ошибки не случится;
Но вы, увы, супруги дам таких,
Признайтесь: все под башмачком у них!)

23. Хосе нередко ссорился с женою.
Дознаться, «почему» и «отчего»,
Пытались все друзья любой ценою,
Хоть это не касалось никого.
Злословия порой всему виною!
Но я вполне свободен от него:
Супругов я улаживаю ссоры,
Но сам-то я женюсь весьма не скоро.
24. Я пробовал вмешаться. Я имел
Отличные намеренья, признаться,
Но как-то я ни разу не сумел
До них ни днем, ни ночью достучаться:
Дом словно вымер, словно онемел.
Один лишь раз (прошу вас не смеяться!)
Жуан случайно среди бела дня
Ведро помоев вылил на меня.
25. Он был похож на юркую мартышку —
Хорошенький, кудрявый, озорной.
Родители любили шалунишку,
И только в этой прихоти одной
Они сходились. Надо бы мальчишку
Учить и жучить, но они со мной
Советоваться вовсе не хотели
И портили сынишку как умели.
26. Итак — я не могу не пожалеть —
Супруги жили плохо и уныло,
Мечтая каждый рано овдоветь.
Со стороны, однако, трудно было
Их внутреннюю распря разглядеть:
Они держались вежливо и мило,
Но вот огонь прорвался, запылал —
И явно обнаружился скандал.

27. Инеса к медицине обратилась,
Стремясь *безумье* мужа доказать,
Потом она с отчаянья пустилась
Его в *дурных инстинктах* упрекать,
Но все-таки ни разу не решилась
Прямые доказательства назвать:
Она считала (так она твердила),
Что честно перед Богом поступила.
28. Она вела старательно учет
Его проступкам; все его записки
Цитировать могла наперечет
(К шпионству души любящие близки).
Все жители Севильи круглый год
Инесе помогали в этом сыске:
Уж бабушка на что стара была —
А ведь и та чего-то наплела!
29. Инеса созерцала без волненья,
Подобно женам Спарты прошлых лет,
Казнимого супруга злоключенья,
Надменно соблюдая этикет.
От клеветы и злобного глумленья
Несчастный погибал, а льстивый свет
В ее великолепном равнодушии
С восторгом отмечал великодушие.
30. Прощаю осторожное терпенье
Моим друзьям, которые молчат,
Когда по мере сил и разуменья
Вокруг меня завистники кричат;
Юристы не такое поведенье
Названьем «*malus animus*»¹ клеймят:
Мы мстительность пороком полагаем,
Но если мстит другой — не возражаем.
31. А если наши старые грешки,
Украшенные ложью подновленной,
Всплывут наружу, — это пустяки:
Во-первых, ложь — прием традиционный,

¹ «Злой умысел» (лат.).

К тому же господа клеветники
Увлечены враждой неугомонной,
Не замечают, что из года в год
Шумиха только славу создает.

32. Сперва друзья пытались их мирить,
И родственники думали вмешаться.
А я, уж если правду говорить,
Советовал бы вам не обращаться
Ни к тем и ни к другим. Большую пруть
Явили и законники, признаться,
В надежде гонораров. Только вдруг —
Скончался неожиданно супруг!
33. Скончался. Умер. О его кончине
Жалели горячо и стар и млад
По той весьма естественной причине,
Что рассуждать о ближнем всякий рад.
Мне намекал юрист в высоком чине:
Процесс-то был скандалами богат.
Любители острот и диффамаций
Лишились самой лучшей из сенсаций.
34. Он умер. Вместе с ним погребены
И сплетни, и доходы адвоката:
Любовницы пошли за полцены,
Одна — еврею, а одна — аббату.
Дом продан, слуги все разочтены,
И, как ни принял свет сию утрату,
Оставил он разумную жену
Его грехи обдумывать — одну.
35. Покойный дон Хосе был славный малый —
Могу сказать: его я лично знал, —
Он образ жизни вел довольно шальный,
Но я его за то не осуждал:
Он был горяч, игра его пленяла,
И страсти он охотно уступал.
Не всем же жить в таком унылом стиле,
Как Нума, именуемый Помпилий!

36. Но какова бы ни была цена
Его грехам, он пострадал довольно,
И вся его искуплена вина.
Подумайте, ему ведь было больно,
Что жизнь его и честь осквернена
Женой и светской чернью сердобольной.
Он понял — кроме смерти, для него
Уже не остается ничего.
37. Он умер, не оставив завещанья,
И стал Жуан наследником всего —
И сплетен, и долгов, и состоянья,
А маменька почтенная — его
Опекуном. Такое сочетанье
Ролей не удивило никого:
Единственная мать уже по чину
Надежный друг единственному сыну.
38. Умнейшая из вдов, немало сил
Инеса приложила и старания,
Чтоб сын ее семьи не посрамил,
Которою гордилась вся Испания.
Жуан, как подобает, изучил
Езду верхом, стрельбу и фехтование,
Чтоб ловко проникать — святая цель —
И в женский монастырь, и в цитадель.
39. Инеса постоянно хлопотала
И очень беспокоилась о том,
Чтоб воспитанье сына протекало
Отменно добродетельным путем:
Руководила и во все вникала
С большим педагогическим чутьем.
Жуан отлично знал науки многие,
Но, боже сохрани, — не биологию!
40. Все мертвые постиг он языки
И самые туманные науки,
Которые от жизни далеки,
Как всякий бред схоластики и скуки;

Но книжек про житейские грешки
Ему, конечно, не давали в руки,
И размноженья каверзный закон
Был от его вниманья утаен.

41. Трудненько было с классиками им:
Ведь боги и богини резво жили
И, не в пример испанцам молодым,
Ни панталон, ни юбок не носили.
Педантов простодушием своим
Смущали и Гомер, и сам Вергилий;
Инеса, что совсем не мудрено,
Боялась мифологии давно.
42. Мораль Анакреона очень спорна,
Овидий был распутник, как вы знаете,
Катулла слово каждое зазорно.
Конечно, оды Сафо вы читаете,
И Лонгин восхвалял ее упорно,
Но вряд ли вы святой ее считаете.
Вергилий чист, но написал же он
Свое «Formosum pastor Corydon»¹.
43. Лукреция безбожие опасно
Для молодых умов, а Ювенал,
Хотя его намеренья прекрасны,
Неправильно пороки обличал:
Он говорил о ближних столь ужасно,
Что просто грубым слог его бывал!
И наконец, чей вкус не оскорбляло
Бесстыдство в эпиграммах Марциала?
44. Жуан, конечно, классиков зубрил,
Читая только школьные издания,
Из коих мудрый ментор удалил
Все грубые слова и описанья.
Но, не имея смелости и сил
Их выбросить из книги, в примечанья
Их вынес, чтоб учащиеся вмиг
Их находили, не листая книг.

¹ «Пастух Коридон к красавцу» (лат.).